

Б И Б Л И О Т Е К А

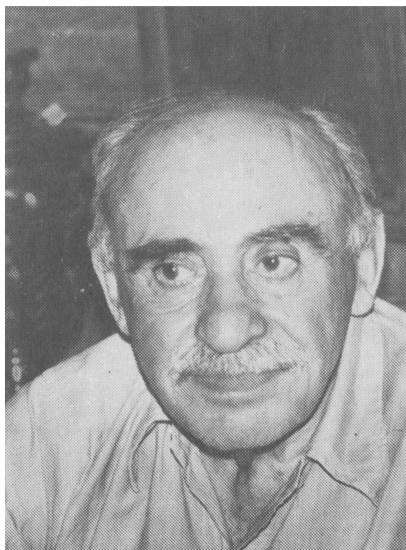
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 18

1989

Семен ЛИПКИН

Л И Р А

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 18

Издается с января 1925 года

Семен ЛИПКИН

ЛИРА

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Семен ЛИПКИН

Семен Израилевич Липкин родился в 1911 году в Одессе. Окончил химический факультет Московского инженерно-экономического института. В московских журналах и газетах начал печататься с 1929 года. Более полувека занимается стихотворным переводом, перевел на русский язык произведения народно-эпической и классической поэзии советского и зарубежного Востока. Участник Великой Отечественной войны. Народный поэт Калмыкии. Автор сборников стихов «Очевидец» (1967 г.), «Вечный день» (1975 г.), «Воля» (1981 г.), «Кочевой огонь» (1985 г.).

ОЧЕВИДЕЦ

Ты понял, что распад сердец
Страшней, чем расщепленный атом,
Что невозможно наконец
Коснётся в блаженстве глуповатом,

Что много пройдено дорог,
Что нам нельзя остановиться,
Когда растёт уже пророк
Из будничного очевидца.

ЛУННЫЙ СВЕТ

Городские парнишки со щупами
Ищут спрятанный хлеб допоздна,
И блесит над степными халупами,
Как турецкая сабля, луна.

Озаряет семейства крестьянские:
Их отправят в Котовск через час,
А оттуда в места казахстанские:
Ликвидируют, значит, как класс.

Будет в красных теплушках бессонница,
Будут плакать, что правда крива...
То гордится под ветром, то клонится
Аж до самого моря трава.

Стерегут эту немочь упорную —
Приумолкший угрюмый народ.
Если девушка хочет в уборную,
Вслед за нею конвойный идет.

Дверцу надо держать приоткрытою:
Не сбежишь, если вся на виду...
Помню степь, лунным светом облитую
И глухую людскую беду.

Я встречаю в Одессе знакомого.
Он теперь вне игры, не у дел.
Не избег он удела знакомого,
Восемнадцать своих отсидел.

Вспоминает ли, как раскулачивал?
Как со щупом искал он зерно?
Ветерок, что траву разворачивал?
Лунный свет, что не светит давно?

ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА

В центре города, где назначаются встречи,
Где спускаются улицы к морю покато,
В серой будке звонит городской сумасшедший,
С напряжением вертит он диск автомата.

Толстым пальцем бессмысленно в дырочки тычет,
Битый час неизвестно кого вызывая,
То ли плачет он, то ли товарищей кличет,
То ли трется о трубку щетина седая.

Я слышал, что безумец подобен поэту...
Для чего мы друг друга сейчас повторяем?
Опустить мы с тобою забыли монету,
Мы, приятель, не те номера набираем.

* * *

С. Б. Рассадину

В этом городе южном я маленький школьник,
Превосходные истины тешат мне слух,
Но внутри меня шепчет какой-то раскольник,
Что рисуются буквы, а светится дух.

Страстно спорят на говоре местном южане,
Но иные со мной существа говорят:
Словно вещая птица из древних сказаний,
Прилетел небывалого цвета закат.

Новым, чистым дыханьем наполнился будень,
Обозначилось все, что роилось вдали,
Лодки на море — скопище старых посудин —
Превратились в мерцающие корабли.

Стало вольностью то, что застыло темницей,
Свет зажегся на стертой скрижали земной,
Все иду, все иду за нездешнею птицей,
А она все летит и летит надо мной.

ЗИМНИЙ ЗАКАТ

Вот я вижу тебя сквозь очередь,
Где в былое пятятся годы,
Соименница дерзкой дочери
Сандомирского воеводы.

Как привыкла ты, пообедали
В метростроевской мы обжорке,
На закате зимнем провели
Те, что помнила ты, задворки.

Вот любимся мы домишками
И церквами Замоскворечья,
На тебе, как на князе Мышкине,
Тонкий плащ топорщил оплечья.

О декабрьской забыв суровости,
Мне своим говорком московским
Сообщала старые новости
О Бальмонте, о Мережковском.

Притворились, что не заметили,
Как над нами кружится стужа.
Где присяжные? Где свидетели?
Где Париж? Где гибель мужа?

А порой от намека слабого
Поднималась надменно бровка...
Далека, далека Елабуга
И татарская та веревка.

В ЦАРСТВЕ ФЛОРЫ

В стране деревьев и цветов лесных
Я думаю о существах иных.

Я думаю о близких существах,
Осмысленных в цветах и деревьях.

Мне кажется, что легкая сосна —
Та девочка, чья южная весна

Пролепетала в отроческий час
Мне первый и пленительный отказ.

Мне кажется: акация, как мать,
Откинула серебряную прядь,

И говорят мне белые цветы:
«Все правильно, мой мальчик, сделал ты».

Я вижу старый искривленный дуб.
Рисунок узнаю отцовских губ.

Еще мгновенье — он уйдет во тьму,
Сейчас не хватит воздуха ему.

А кто стоит среди кустов и трав,
А сам, как лес, как целый лес, кудряв?

И ствол его, до самой купины
Обугленный дыханием войны,

Навеки, прочно в эту землю врос,
Ничто ему ни вьюга, ни мороз,

Всегда во мне, поныне с давних пор,
Исследующий, требующий взор.

Одетое душистою листвою,
Мне деревце кивает головой,

И я на голосдвигаюсь ольхи,
Читающей безумные стихи,

И жаром араратского огня
Два разных глаза веют на меня.

ЕРЕВАНСКАЯ РОЗА

Ереванская роза
Мерным слогом воркует,
Гармонически плачет навзрыд.
Ереванская проза
Мастерит и торгует,
И кричит, некрасиво кричит.

Ереванскую розу —
Вздых и целую фразу —
Понимаешь: настолько проста.
Ереванскую прозу
Понимаешь не сразу,
Потому, что во всем разлита —

В старике, прищемившем
Левантийские четки
Там, где брызги фонтана летят,
В малыше, устремившем
Свой пытливый и кроткий,
Умудренный страданием взгляд.

Будто знался он с теми,
Чья душа негасима,
Кто в далеком исчез далеке,
Будто где-то в эдеме
Он встречал серафима
С ереванскою розой в руке.

ГОДОВЩИНА АРМЯНСКОГО ГОРЯ

Хлеб, виноград, Господь.
Хлеб, виноград, Господь.

Персики в Эчмиадзине
Цветом цветут фиолетовым.
Свод над землею синий,
Как над Синайской пустыней.
Ряса католикоса
Цветом цветет фиолетовым.
Медленно, многоголос
Звон поминальный вознесся:

Хлеб, виноград, Господь.
Хлеб, виноград, Господь.

Страшная годовщина
Страшной народной гибели.
В церкви Эчмиадзина —
Слово Божьего сына.
Поровну мы разделим
Тоненькие опресноки.
Выйдем из храма с весельем,
В поле траву расстелем.

Жертвенного барана
Мы пообедем вокруг дерева.
В сердце — вечная рана,
А земля нам желанна.
Все мирозданье в расцвете,
Все непотребное — изгнано,
Только и есть на свете —
Дети, дети, дети,

Хлеб, виноград, Господь.
Хлеб, виноград, Господь.

Боже, к твоим коленям
Я припадаю с молением:
Да оживут убиенные
В этом саду весеннем!
В нашем всеобщем храме
Да наслаются весело
Всеми твоими дарами!
С нами, с нами, с нами —

Хлеб, виноград, Господь,
Хлеб, виноград, Господь.

ПЕПЕЛ

Постарались и солнце, и осень,
На деревьях листву подожгли.
Дети племени кленов и сосен,
Отпылав, на земле полегли.

Очертаньем, окраскою кожи,
Плотью, соком, краскою резной
Друг на друга листы не похожи,
Но лежат они кучей сплошной.

В этом, красном,— обличье индийца,
Этот, желтый,— ну, право, монгол.
Этот миром не мог насладиться,
Зеленя, сторел, отошел.

Не хотим удивляться бессилью,
Словно так им и надо лежать,
Пеплом осени, лагерной пылью
Под ногами прохожих шуршать.

Отчего же осенним затишьем
Мы стоим над опавшей листвою
И особенным воздухом дышим
И не знаем вины за собой?

Тополей и засохших орешин,
Видно, тоже судьба не проста.
Ну, а я-то не лист, не безгрешен,
Но, быть может, я лучше листа?

Знал я горе, стремление к благу,
Муки совести, жгучий позор...
Неужели вот так же я лягу—
Пепел осени, лагерный сор?

ЧАСТУШКА

С недородами, свадьбами, плачами
Да с ночными на скромных лугах
Вековала деревня у Пачелмы
И в давнишних, и в ближних веках.

Перемучили, переиначили
Все, что жило, росло и цвело.
Уж людей до того раскулачили,
Что в кулак животы посвело.

И — бежать! Хоть ловили на станции,
Крестный-стрелочник прятал до звезд.

Я потерял свою часть. Но что за беда?

Я счастлив

Этим единственным счастьем, возможным

на нашей земле,—

Волей, ленивой волей, разумением равнодушным

И беспредельным отчаяньем...

Никогда я не знал, что может, как море, шуметь

ковьяль,

Никогда я не знал, что на небе, как на

буддийской иконе,

Солнечный круг и лунный круг одновременно горят.

Никогда я не знал, что прекрасно быть

себялюбцем:

Брата, и сестру, и жену, и детей, и мать

позабить.

Никогда я не знал, что прекрасно могущество

степи:

Только одна белена, только одна лебеда,

Ни языка, ни отчества...

Может быть, в хутор Крапивин приеду я ввечеру.

Хорошо, если немцев там нет. А будут,—

черт с ними!

Там проживает моя знакомая, Таля-казачка.

Воду согреет. Вдыхая, мужнино выдаст белье.

Утром проснется раньше меня. Вдыхая,

посмотрит

И, наглядевшись, пойдет к деревянному

круглому дому.

Алые губы, вздрагивающие алые губы,

Алые губы, не раз мои целовавшие руки,

Алые губы, благодарно шептавшие мне:

«желанный»,

Будут иное шептать станичному атаману

И назовут мое отчество...

А! Не все ли равно мне — днем раньше

погибнуть, днем позже.

Даже порой мне кажется: жизнь я прожил давно,

А теперь только воля осталась, ленивая воля.

МОЛОДАЯ МАТЬ

Лежала Настенька на печке,
Начфин проезжий — на полу.
Посапывали две овечки
За рукомойником, в углу.

В окне белела смутно вишня,
В кустах таился частокол.
И старой бабке стало слышно,
Как босиком начфин прошел.

Ее испуг, его досада
И тихий, жаркий разговор.
— Не надо, дяденька, не надо!
— Нет, надо! — отвечал майор.

Не на Дону, уже за Бугом
Начфин ведет свои дела,
Но не отделалась испугом,
Мальчонку Настя родила.

Черты бессмысленного счастья,
Любви бессмысленной черты,—
Пленяет и пугает Настя
Сияньем юной красоты,

Каким-то робким просветленьем,
Понятным только ей одной,
Слегка лукавым удивленьем
Пред сладкой радостью земной.

Она совсем еще невинна
И целомудренна, как мать.
Еще не могут глазки сына
Ей никого напоминать.

Кого же? Вишню с белой пеной?
Овечек? Частокол в кустах?
Каков собою был военный:
Красив ли? Молод ли? В годах?

Все горести еще далеки,
Еще таит седая рань

Станичник грубые попреки,
И утешения, и брань.

Она сойдет с ребенком к Дону,
Когда в цветах забродит хмель,
Когда Сикстинскую мадонну
С нее напишет Рафаэль.

БОГОРОДИЦА

1

Гремели уже на бульжнике
Немецкие танки вдали.
Уже фарисеи и книжники
Почетные грамоты жгли.
В то утро скончался Иосиф,
Счастливцев, ушел в тишину,
На муки жестокие бросив,
Рожавшую в муках жену.

2

Еще их соседи не предали,
От счастья балдея с утра,
Еще даже имени не дали
Ребенку того столяра,
Душа еще реяла где-то
Умершего сына земли,
Когда за слободкою в гетто
И мать, и дитя увели.

3

Глазами недвижными нелюди
Смотрели на тысячи лиц.
Недвижны глаза и у челяди —
Единое племя убийц.
Свежа еще мужа могила,
И гибель стоит за углом,
А мать мальчугана кормила
Сладчайшим своим молоком.

Земное осело, отсеялось,
 Но были земные дела.
 Уже ни на что не надеялась,
 Но все же чего-то ждала.
 Ждала, чтобы вырос он, милый,
 Пошел бы, сначала ползком,
 И мать мальчугана кормила
 Сладчайшим своим молоком.

И яму их вырыть заставили,
 И лечь в этом глиняном рву,
 И нелюди дула направили
 В дитя, в молодую вдову.
 Мертвящая, черная сила
 Уже ликовала кругом,
 А мать мальчугана кормила
 Сладчайшим своим молоком.

Не стала иконой прославленной,
 Свалившись на глиняный прах,
 И мальчик упал окровавленный
 С ее молоком на губах.
 Еще не нуждаясь в спасенье,
 Солдаты в казарму пошли,
 Но так началось воскресенье
 Людей, и любви, и земли.

ЗОЛА

Я был остывшею золой
 Без мысли, облика и речи,
 Но вышел я на путь земной
 Из чрева матери — из печи.

Еще и жизни не поняв
 И прежней смерти не оплавав,
 Я шел среди баварских трав
 И обезлюдевших барачков.

Неспешно в сумерках текли
«Фольксвагены» и «мерседесы»,
А я шептал: «Меня сожгли.
Как мне добраться до Одессы?»

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ

Что ты заводишь песню военну...

Г. Р. Державин

Серое небо. Травы сырые.
В яме икона панны Марии.
Враг отступает. Мы победили.
Думать не надо. Плакать нельзя.
Мертвый ягненок. Мертвые хаты.
Между развалин — наши солдаты.
В лагере пусто. Печи остыли.
Думать не надо. Плакать нельзя.

Страшно, ей-Богу, там, за фольварком.
Хлопцы, разлейте старку по чаркам.
Скоро в дорогу. Скоро награда,
А до парада плакать нельзя.
Черные печи да мыловарни.
Здесь потрудились прусские парни.
Где эти парни? Думать не надо.
Мы победили. Плакать нельзя.

В полураскрытом чреве вагона —
Голое тельце. Круг патефона.
Видимо, ветер вертит пластинку.
Слушать нет силы. Плакать нельзя.
В лагере смерти печи остыли.
Крутится песня. Мы победили.
Мама, закутай дочку в простынку,
Пой, балалайка, плакать нельзя.

НА ТЯНЬ-ШАНЕ

Бьется бабочка в горле кумгана,
Спит на жердочке беркут седой,

И глядит на них Зигмунд Сметана,
Элегантный варшавский портной.

Издалёка занес его случай,
А другие исчезли в золе,
Там, за проволокою колючей,
И теперь он один на земле.

В мастерскую, кружась над саманом,
Залетает листок невзначай.
За горами — туман. За туманом —
Вы подумайте только — Китай!

В этот час появляются люди:
Коневод на кобылке Сафо,
И семейство верхом на верблюде,
И в вельветовой куртке райфо.

День в пыли исчезает, как всадник.
Овцы тихо вбегают в закут.
Зябко прячет листы виноградник
И опресноки в урте пекут.

Точно так их пекли в Галилее,
Под навесом, вечерней порой...
И стоит с сантиметром на шее
Элегантный варшавский портной.

Не соринка в глазу, не слезинка,—
Это жжет его мертвым огнем,
Это ставшая прахом Треблинка
Жгучий пепел оставила в нем.

КАМЕНЬ

Я камень запомнил средь горных дорог.
Там травы не знают, что где-то их косят
Он был одинок, как языческий бог,
Которому жертвы уже не приносят.

Он был равнодушен и к бегу машин,
И к тихим движениям стареющих мулов

При свете дневном оставался один
И ночью, в мерцании звезд и аулов.

Но было ведь, было: молил его жрец
От глада и мора избавить селенья,
И жертвенник он вспоминал, и овец,
И сладостный запах священного тленья.

Столетия, как стадо, шли мимо него,
Но их замечать не хотел он упрямо,
Когда облака обступали его,
Он думал, что это развалины храма.

ЧЕЛОВЕК В ТОЛПЕ

Там, где смыкаются забвенья
И торный прах людских дорог,
Обыденный, как вдохновенье,
Страдал и говорил пророк.

Он не являл великолепья
Отверженного иль жреца,
Ни язв, ни струпов, ни отрепья,
А просто сердце мудреца.

Он многим стал бы ненавистен,
Когда б умели различать
Прямую мощь избитых истин
И кривды круглую печать.

Но попросту не замечали
Среди всемирной суеты
Его настойчивой печали
И сумасшедшей правоты.

СОЛОВЬИ

Поговорим о бродягах
С горькой мечтой о корчме.
Птицы в мужицких сермягах
Свищут в зеленой тюрьме.

До смерти им надоели
Баловни глупой судьбы —
Эти сановные ели,
Эти тупые дубы.

Осточертела до боли
Листьев могучая цепь.
Хочется в чистое поле,
Хочется в нищую степь.

Хочется жизни — голодной,
Но хоть на несколько дней,
Хоть на минуту — свободной,
Хоть на мгновенье — своей.

В диком, огнистом тумане
Песню беспечную спеть
И в разноцветном жупане
В марево смерти влететь.

ТОТ ЖЕ ПРИЗНАК

На окраине нашей Европы,
Где широк и суров кругозор,
Где мелькают весной антилопы
В ковылях у заснувших озер,

Где на треснувшем глиняном блюде
Солонцовых просторов степных
Низкорослые молятся люди
Желтым куклам в лоскутьях цветных,

Где великое дикое поле
Плавно сходит к хвалынской воде,
Видел я байронической боли
Тот же признак, что виден везде.

Средь уродливых, грубых диковин,
В дымных стойбищах с их тишиной,
Так же страстен и так же духовен
Поиск воли и дали иной.

В КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ

1. ДНЕМ

В долине плоской, как доска,
Чернеют овцы и собаки —
Начертанные кем-то знаки
Неведомого языка.

Песок и солнце жгут их колко,
А я пытаюсь их прочесть,
Забыв про шифер и про жесть
Степного пыльного поселка.

Вдруг клинописному письму
И я сумею научиться,
Но смысл, который в нем таится,
Я не открою никому.

2. НОЧЬЮ

О степь калмыцкая с двоякой
Субстанцией ночной,
Когда братаются два мрака:
Воздушный и степной.

Здесь образ неба так нагляден,
Как будто степь видна,
В нем столько же бугров и впадин,
Как у степного дна.

Здесь понял я, что мир загробный
Земным стезям сродни,
Здесь звездам — редкие — подобны
Степных жилищ огни.

Здесь видел я, как вспыхнул разум
Небесной чистоты
В том желтоскулом, узкоглазом,
Который гнал гурты.

ПУСТОТА

Мы знаем, что судьба просеет
Живущее сквозь решето,
Но жалок тот, кто сожалеет,
Что превращается в ничто.

Не стал ничтожным ни единый,
Хотя пустеют все места:
Затем и делают кувшины,
Чтобы была в них пустота.

МОЛДАВСКИЙ ЯЗЫК

Степь шумит, приближаясь к ночлегу,
Загоняя закат за курган,
И тяжелую тащит телегу
Ломовая латынь молдаван.

Слышишь медных глаголов дрожанье?
Это римские речи звучат.
Сотворили-то их каторжане,
А не гордый и грозный сенат.

Отгрел, отблестал Капитолий
И не стало победных святынь,
Только ветер днестровских раздолий
Ломовую гоняет латынь.

Точно так же блатная музыка,
Со словесной порвав чистотой,
Сочиняется вольно и дико
В стане варваров за Воркутой.

За последнюю ложку баланды,
За окурочек от чьих-то щедрот
Представителям каторжной банды
Политический что-то поет.

Он поет, этот новый Овидий,
Гениальный болтун-чародей,
О бессмысленном апартеиде
В резервацыи воров и блядей.

Что мы знаем, поющие в бездне,
О грядущем своем далеке?
Будут изданы речи и песни
На когда-то блатном языке.

Ах, Господь, я прочел твою книгу,
И недаром теперь мне дано
На рассвете доесть мамалыгу
И допить молодое вино.

ЛИРА

От незрячего Омира
Перешла ко мне моя
Переимчивая лира —
Двуединая змея.

Никого не искушая
И не жалея никого,
Вспоминает, воскрешая
Наше светлое родство.

И когда степняк иль горец
Жгли судьбу в чужом краю,
Робко трогал стихотворец
Лиру — добрую змею.

И она повествовала
Не про горе и беду,
А про то, как жизнь вставала,
Как готовили еду,

Как пастух огонь похитил,
Возмутив святой чертог,
Наши песни предвосхитил,
Нашей болью изнемог,

Чтобы не было поступка
Не для блага бытия,
Чтоб мудра была голубка,
Чтоб добра была змея.

* * *

Когда в слова я буквы складывал
И смыслу помогал родиться,
Уже я смутно предугадывал,
Как мной судьба распорядится,

Как я не дорасту до форточки,
А тело мне сожмут поводья,
Как сохраню до смерти черточки
Пугливого простонародья.

Век сумасшедший мне сопутствовал,
Подняв свирепое дрекольё,
И в детстве я уже предчувствовал
Свое мятежное безволие.

Но жизнь моя была таинственна,
И жил я, странно понимая,
Что в мире существует истина
Зиждительная, неземная.

И если приходил в отчаянье
От всепобедного развала,
Я радость находил в раскаянье,
И силу слабость мне давала.

КРИК ЧАЕК

Семейство разьевшихся чаек
Шумит на морском берегу.
От выкриков тех попрошаек
Прийти я в себя не могу.

Мне вспомнилось: мы хоронили
Жену сослуживца. Когда
Ее закопали в могиле,
Был вечер, а мы и беда

Вступили в автобус последний,
И тут, как проказа, возник
Из воплей, проклятий, и сплетни,
И ругани смешанный крик.

То стоя кладбищенских нищих,
Хмельных стариков и старух,
Кривых, одноногих, изгнанных,
Блудила и думала вслух...

Земля, человечья стоянка,
Открыла ты нам, какова
Изгаженной жизни изнанка,
Где Слово сменили слова.

Во тьме остановки конечной
Уже различаем, какой
Вращается двигатель вечный,
А движет им вечный покой.

* * *

Я сижу на ступеньках
Деревянного дома,
Между мною и смертью —
Пустячок, идиома.

Пустячок, идиома —
То ли тень водоема,
То ли давняя дрема,
То ли память погрома.

В этом странном понятии
Сочетаются травы,
И летающей братии
Золотые октавы,

Белый камень безликий
Трансформаторной будки
Там, где кровь земляники
Потемнела за сутки,

И беды с тишиною
Шепоток за стеною,
Между смертью и мною,
Между смертью и мною.

ПТИЦА

Посвист осенний во мгле — Кудеяр-атаман
Кличет своих сотоварищей хищных, когтистых,
Двигается лес, приближается к дому туман,
Пряча в себе очертанья деревьев безлистных.

Птица в окно ударяет, стучится в стекло,
Форточку я отворяю, и птица влетает,
Ей хорошо на ладонях моих, ей тепло,
Умные черные глазки от счастья блистают.

Ей хорошо в домовитом нагретом углу,
Крыльям бессильным нужна этих бревен ограда
Страшно вернуться назад, в ястребиную мглу,
Воля страшна, потому что ей воли не надо.

АКУЛИНА ИВАНОВНА

У Симагиных вечером пьют,
Акулину Ивановну бьют.

Лупит внук, — не закончил он, внук,
Академию разных наук:

«Ты не смей меня, ведьма, сердить,
Ты мне опиум брось разводить!»

Тут и внука жена, и дружки,
На полу огурцы, пирожки.

Участковый пришел, говорит:
«По решетке скучаешь, бандит?»

Через день пьем и мы невзначай
С Акулиной Ивановной чай.

Пьет, а смотрит на дверь, сторожит.
В тонкой ручечке блюдце дрожит.

На исходе десятков восьмой,
А за внука ей больно самой.

В чем-то держится эта душа,
А душа — хороша, хороша!

«Нет, не Ванька, а я тут виной,
Сам Господь наказал его мной.

Я-то что? Помолюсь, отойду
Да в молитвенный дом побреду.

Говорят мне сестрицы: «Беда,
Слишком ты, Акулина, горда,

Никогда не видать твоих слез,
А ведь плакать-то плакал Христос».

* * *

Ужели красок нужен табор,
Словесный карнавал затей?
Эпитетов или метафор
Искать ли горстку поновей?

О, если бы строки четыре
Я в завершительные дни
Так написал, чтоб в страшном мире
Молитвой сделались они,

Чтоб их священник в нищем храме
Сказал седым и молодым,
А те устами и сердцами
Их повторяли вслед за ним...

ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ

Надвратная церковь грязна, хоть бела,
На стенах собора — приметы ремонта,
А вспомни, как травка здесь кротко цвела,
Звенели в три яруса колокола
И день откликался на зов Ферапонта.

А вспомни, как двигались на монастырь
Свирепость ордынца и жадность литвина,
Но слушала вся подмосковная ширь,
Как пастырь настраивал чутко псалтырь,
И ей подпевали река и долина.

Все вынесли стены — и язву, и мор,
И ор петушиный двенадцати ратей,
Но свой оказался острее топор,—
Стал пуст монастырь и замолкнул собор,
Не шепчет молитв и не хочет проклятий.

Зачем ремонтируют? Будет музей?
Займут помещение под фабрику кукол?
Сюда не идет на поклон мукосей,
И свой оказался чужого грозней,—
Хмель вытравил душу иль дьявол попутал?

Когда поднимается утром туман
Иль красит закат полосу горизонта,
Ревет над рекой репродуктор-горлан
И отклика нет у заречных крестьян
На зов Ферапонта, на зов Ферапонта.

НАЧАЛО ЛЕТА

Дочь забудет, изменит жена, друг предаст,—
Все проходит, проходит...
Но ошибся безжалостный Экклезиаст,
Ничего не проходит.

Вновь рождается дочь, чтоб забыть об отце,
Вновь жена изменяет,
Снова друг предаст,— и начало в конце
Ничего не меняет.

Но останется в сердце моем и твоём
То, что здесь происходит,
Ибо призрачна смерть и мы вечно живем,
Ничего не проходит.

Потому что осмысленно липа цветет,
Звонко думает птица,
Это было и будет всегда и уйдет,
Чтобы к нам возвратиться.

* * *

Потомства двигая зачатки,
Лягушек прыгают двойчатки,
Снег мочит редкую траву,
Поют крылатые актеры,
А к ним взлетают метеоры —
Так бабочек я назову.

Милы мне бабочки и птицы!
Я тот, кто вышел из больницы,
Кто слышит, как весна идет,
Но помнит знаки жизни хрупкой —
Связь неестественную с трубкой,
Свой продырявленный живот.

Я вам обоим благодарен:
Тебе, что ярко мне подарен,
Мой день, поющий все звончей,
Тебе, кто света не видала,
Кто триста дней со мной страдала
И триста мучилась ночей.

* * *

Есть прелесть горькая в моей судьбе:
Сидеть с тобой, тоскуя по тебе.

Касаться рук, и догадаться вдруг,
Что жажду я твоих коснуться рук,

И губы целовать, и тосковать
По тем губам, что сладко целовать.

* * *

Еще дыхание суеты
Тебя в то утро не коснулось,
Еще от сна ты не очнулась,
Когда глаза открыла ты —

С таким провидящим блистаньем,
С таким забвением тревог,

Как будто замечтался Бог
Над незнакомым мирозданием.

Склоняюсь, я над тобой стою,
И, тем блистанием палимый,
Вопрос, ликуя, задаю:
— Какие новости в раю?
Что пели ночью серафимы?

* * *

Чистое дыхание облаков
Цвета трав, уже зеленоватых,
Но смущенных, будто виноватых
В грязной рвани, в ржавчине судков,

В загородных — за зиму — отбросах.
Но еще дано листьям травы
Весело купаться в летних росах
И занять у неба синевы.

Да и я свободен пить из вешней
Чаши этой средней полосы,
А еще вкусить бы воли внешней,
Пусть не больше капельки росы.

ВЫКЛЮЧИЛИ СВЕТ

Электроплита, батареи
Служить перестали. В окне —
Темнее, в дому — холоднее,
Но вспыхнуло что-то во мне.

Один, в темноте, в своем кресле,
Зажечь не желая свечу,
Я жду, чтобы тени воскресли,
Всем телом я жду и молчу.

Я чувствую светлую страстность
Внутри существа моего,
И к здешнему миру причастность,
И с миром нездешним родство.

Недвижный, во тьме я взлетаю,
Я сам превращаюсь в свечу.
И с радостью плачу, и таю,
Но утру навстречу лечу.

ОСЕНЬ У МОРЯ

Пляж опустел. Волны в солнечных вспышках
Яркий песок. Сонный толстый рыбак.
Чайки болтливые в белых манишках.
Черное сборище тощих собак.

У рыбака слишком женские груди.
Где теперь скумбрия? Где камбала?
Старые люди, одесские люди
На лежаке забивают «козла».

Как мне близка их негромкая участь,
И ничего я не знаю свежей,
Чем вопросительной речи певучести,
Чем иронический смысл падежей.

Юноша, с бедностью южною споря,
Наспех из дома ушел своего
И ничего не нашел вместо моря,
И не узнал ничего, ничего.

Как я пришел? Чьей прошел я тропую?
Где разбросал разумения соль?
Жизнь моя, что же мне делать с тобою,
Что с тобой делать, плебейская боль?

Вот я вернулся, так поздно вернулся,
Так холодна в эту пору волна,
Вышел на берег, едва окунувшись,
И оглянулся: густа и душна

Туча над морем...

МОРСКАЯ ПЕНА

Морская пена — суффиксы, предлоги
Того утраченного языка,
Что был распространен, когда века,

Теснясь в своей космической берлоге,
Еще готовились существовать,
А мы и не пытаемся понять,
Что значат эти суффиксы, предлоги,
Когда на берег падают пологий
И глохнут в гальке дольного литья,
Но вслушайтесь: нас убеждает море,
Что даже человеческое горе
Есть праздник жизни, признак бытия.

СОДЕРЖАНИЕ

Очевидец	3
Лунный свет	3
Телефонная будка	4
«В этом городе южном я маленький школьник...»	4
Зимний закат	5
В царстве флоры	6
Ереванская роза	7
Годовщина армянского горя	7
Пепел	8
Частушка	9
Воля	10
Молодая мать	12
Богородица	13
Зола	14
Военная песня	15
На Тянь-Шане	15
Камень	16
Человек в толпе	17
Соловыи	17
Тот же признак	18
В калмыцкой степи	19
Пустота	20
Молдавский язык	20
Лира	21
«Когда в слова я буквы складывал...»	22
Крик чаек	22

«Я сижу на ступеньках...»	23
Птица	24
Акулина Ивановна	24
«Ужели красок нужен табор...»	25
Памятники старины	25
Начало лета	26
«Потомства двигая зачатки...»	27
«Есть прелесть горькая в моей судьбе...»	27
«Еще дыханье суеты...»	27
«Чистое дыханье облаков...»	28
Выключили свет	28
Осень у моря	29
Морская пена	29

ЛИРА

ЛИПКИН Семен Израилевич

Стихи разных лет

Редактор О. Н. Хлебников

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 20.02.89. Подписано к печати 14.04.89. А 04429. Формат 70 × 108¹/₃₂.
 Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40.
 Усл. кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 1,41. Тираж 150 000 экз. Зак. № 267.
 Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
 издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ТЕЛЕВИЗОР «САДКО Ц-280Д»

Унифицированный полупроводниково-модульный телевизор цветного изображения. Выбор восьми программ осуществляется с помощью сенсорного переключателя, аппарат оснащен рядом автоматических регулировок. Наличие импульсного источника питания и новой элементной базы позволило значительно уменьшить габариты приемника и массу, потребляемую мощность, увеличить надежность. Размер кинескопа 61 см по диагонали.

Цена — 755 руб.

ЦКРО «Радиотехника»